

· АСТРА ВРАНЕШ ·

ДОМ НА КРАЮ ПАМЯТИ

Некоторые дома
помнят больше,
чем их хозяева.

*Дом тебя
ждёт.*

МИСТИКА · ТАЙНА · НАСЛЕДИЕ

Астра Вранеш
Дом на краю памяти

«Автор»

2026

Вранеш А.

Дом на краю памяти / А. Вранеш — «Автор», 2026

Когда Марина получает странное письмо с единственным ключом и запиской «Дом тебя ждёт», она считает это чьей-то нелепой ошибкой. Но ключ действительно открывает дверь старого дома, о котором её семья предпочитала молчать. В забытой деревне, на самом краю леса, прошлое оказывается живым. Дом хранит дневник давно умершей бабушки, зеркала показывают не отражения, а утраченную память, а каждую ночь кто-то оставляет новые послания. Чтобы разгадать семейную тайну, Марине предстоит найти три загадочных предмета и сделать выбор, который был предрешён ещё в её детстве. Но есть вещи страшнее призраков. Иногда самое опасное место на свете не заброшенный дом и не тёмный лес. Иногда это собственная память, которая слишком долго ждала, чтобы её вспомнили. Атмосферный мистический роман о семейных тайнах, древних сделках и цене выбора, который способен изменить не только будущее, но и всё прошлое.

© Вранеш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Ключ без замка	5
Глава вторая. Первая ночь	7
Глава третья. Где земля слушает	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Астра Вранеш

Дом на краю памяти

Глава первая. Ключ без замка

Письмо пришло в среду — именно в тот день, когда Марина решила, что прошлое её наконец отпустило.

Она сидела на кухне с чашкой остывшего кофе и смотрела, как октябрьский дождь рисует на стекле карты неизвестных стран. Кот Архип дремал у батареи, подрагивая ухом во сне. В квартире пахло воском и корицей — запахом, который она специально культивировала последние два года, потому что он не напоминал ни о чём.

Конверт лежал в ящике почтового стола вместе с рекламными листовками и квитанцией за свет. Без марки. Без обратного адреса. Только её имя — «Марина Сергеевна Вересова» — написанное почерком, который она узнала сразу, хотя видела его лишь однажды, восемнадцать лет назад, в записной книжке умершей бабки.

Бабка Нина умерла, когда Марине было девять.

Внутри конверта оказался ключ — тяжёлый, железный, с фигурной бородкой в форме буквы «Ч» — и записка из трёх слов:

«Дом тебя ждёт.»

Марина была архивистом. Она работала с документами, которые умерли раньше своих авторов, разбирала выцветшие рукописи, расшифровывала стёртые подписи. Она верила в факты, в хронологию, в причинно-следственные связи. Она не верила в знаки.

Поэтому она позвонила матери.

— Мама, у бабки Нины был дом где-нибудь? Кроме той квартиры в Рязани?

На том конце трубки долго молчали. Потом мать сказала голосом, который Марина слышала только дважды в жизни — когда хоронили деда и когда та объявляла о разводе:

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто нашла кое-что в бумагах.

Ещё одна пауза. Архип перестал дремать и смотрел на Марину жёлтыми немигающими глазами.

— Был, — сказала мать наконец. — В Малых Медведках. Она никогда о нём не говорила. Мы думали, что его давно снесли. Марина, пожалуйста, не едь туда.

— Почему?

— Потому что — просто не едь.

Она положила трубку.

Марина повертела ключ в руках. Металл был неожиданно тёплым — будто его только что держали в ладони.

Малые Медведки нашлись на карте с трудом — крохотная точка к северу от Ярославля, между двух лесов, в которых, судя по масштабу, помещалось несколько таких деревень. Марина ехала на электричке, потом на автобусе, потом шла пешком по дороге, которую совсем недавно засыпало листьями — так щедро и равномерно, будто кто-то делал это намеренно, чтобы скрыть следы.

Деревня оказалась живой, хотя и еле-еле: восемь домов, колодец, старуха с козой, которая проводила Марину взглядом и ничего не сказала. Дом бабки Нины стоял на самом краю, там, где деревня сдавалась лесу.

Он был маленький, деревянный, с резными наличниками, потемневшими от времени до цвета мокрой земли. Ставни закрыты. Крыльцо просело с одной стороны. На двери — замок, старый, кованный, точь-в-точь подходящий к ключу.

Марина остановилась у калитки.

Она была архивистом. Она привыкла к тому, что мёртвые вещи хранят истории. Но мёртвые вещи не присылают писем.

Она отперла замок.

Дверь открылась без скрипа — так, будто её смазывали ещё вчера. Внутри было темно и пахло сухими травами, хвоей и чем-то ещё — чем-то, что Марина не смогла назвать, но почувствовала как узнавание. Как запах дома, в котором не была, но в который возвращаешься.

На столе стояла свеча. Рядом лежала раскрытая книга.

Марина шагнула внутрь.

За спиной дверь закрылась сама.

Она не испугалась — и это было страшнее всего.

Книга была написана от руки. Тем же почерком, что и конверт.

Первая страница начиналась словами:

«Если ты читаешь это, значит, ты доверилась ключу. Хорошо. Теперь слушай внимательно: у тебя есть три ночи, чтобы найти то, что я спрятала. Если не найдёшь — оно найдёт тебя само. И тогда я уже не смогу тебя защитить».

Подпись внизу: Нина Вересова. Дата: 14 октября 1987 года.

Марина медленно подняла глаза от книги.

Свеча горела ровно — без дрожания, без дыма.

За окном темнело.

Была среда, четырнадцатое октября.

Глава вторая. Первая ночь

Первое, что Марина сделала — включила фонарик на телефоне.

Это был сознательный жест: против темноты, против запаха трав, против свечи, которая горела неизвестно от чего. Луч прошёлся по стенам, и дом немедленно стал меньше, понятнее, расставился по местам. Бревенчатые стены, потемневший пол, печь в углу, над ней — ряд глиняных горшков. Икона в красном углу, лицо почти неразличимо от времени. Два окна, оба заставлены ставнями. Стол, за которым она стояла. Стул. Сундук у стены.

Ничего необъяснимого. Просто старый дом.

Она снова посмотрела на книгу.

«У тебя есть три ночи.»

Марина работала с документами двенадцать лет. Она видела поддельные завещания, состаренные грамоты, письма, написанные задним числом. Она умела отличать настоящую старость бумаги от искусственной. Страницы этой книги были подлинными: такой оттенок даёт только время, такие чернила давно сняты с производства. Записи не были свежими.

Но дата совпадала с сегодняшней.

Марина осторожно перевернула страницу.

Почерк был мелкий, быстрый, с характерным наклоном влево — будто автор торопился или писал в темноте. Кое-где строки шли неровно, прыгали, наезжали друг на друга. Но это не было безумием. Это было спешкой.

«Я пишу это в последнюю ночь, когда мне ещё позволено писать. Завтра придут и закроют дом. Они думают, что это поможет. Они не понимают, что замок снаружи — это не запор, а приглашение для тех, кто знает, как читать железо.»

«Я спрятала три вещи. Каждая в своём месте. Каждая охраняет следующую. Ты должна найти их в правильном порядке — иначе третья вещь тебя не примет, и всё, что я делала, окажется напрасным.»

«Первая вещь — там, где молчат голоса.»

Дальше шла страница, вырванная с корнем.

Марина закрыла книгу и огляделась.

Где молчат голоса.

В другой ситуации она бы усмехнулась — архивисты не любят загадок, они любят инвентарные номера и чёткие атрибуции. Но что-то в этой фразе зацепило её не умом, а чем-то более старым. Что-то, что шевельнулось на дне памяти, как ил, потревоженный течением.

Она была здесь раньше. Она не помнила когда и не помнила как, но тело помнило — узнавало ширину дверного проёма, помнило, что третья половица скрипит, знало, что за печью есть ниша.

Марина замерла.

Она никогда не была в Малых Медведках.

Ей было девять, когда умерла бабка Нина. До этого они виделись трижды, все три раза в городе, все три раза — мимолётно, как встречаются люди, которым не о чем говорить. Марина помнила сухую маленькую руку и запах валерьянки. Больше ничего.

И тем не менее — третья половица.

Она шагнула к печи, не заставляя себя, просто пошла, как идут знакомой дорогой в темноте. За печью оказалась ниша — узкая, чуть глубже, чем по локоть. Пустая.

Нет — не пустая. На задней стенке ниши что-то было нацарапано. Марина поднесла телефон ближе.

Не буквы. Не слова.

Схема.

Это был план дома — грубый, как детский рисунок, но точный. Каждая комната, каждый угол. И в одном месте — крестик, такой маленький, что она едва не пропустила его, — в красном углу, за иконой.

Марина подошла к иконе.

Образ был старый, доски рассохлись, кое-где краска вздулась пузырями. Лик смотрел мимо неё — в ту точку на стене, где нет ничего, только воздух. Марина осторожно потянула раму.

Икона отошла от стены без сопротивления. За ней оказалась небольшая выемка, и в ней — свёрток из грубой ткани, перевязанный льняной нитью.

Марина развязала узел.

Внутри было зеркало. Маленькое, ручное, в серебряной оправе, потемневшей почти до черноты. Стекло было живым — не мутным, не покрытым пылью, а именно живым, с тем особым глубоким блеском, который бывает у воды в тёмных колодцах.

Марина подняла его и посмотрела на себя.

Из зеркала смотрела женщина, очень похожая на неё. Но за плечом женщины стоял кто-то ещё.

Марина резко обернулась.

В доме никого не было.

Она снова посмотрела в зеркало. Отражение было обычным — только она, только стена за спиной, только слабый свет телефонного фонарика.

Марина медленно опустила зеркало. Сердце билось ровно, почти неприлично ровно для человека, который только что увидел в зеркале постороннего. Она подумала: это была игра теней. Она подумала: я устала с дороги.

Она подумала: я остаюсь.

Ночевать было негде — разве что на сундуке, подложив под голову собственный рюкзак. Марина не планировала ночевать, она вообще не планировала задерживаться дольше, чем нужно, чтобы осмотреться. Но пока она раздумывала, снаружи шумно и всерьёз пошёл дождь, дорога назад через лес мгновенно стала плохой идеей, и как-то само собой получилось, что она сидит на сундуке с зеркалом на коленях и ест сухое печенье из рюкзака.

Свеча на столе всё горела. Марина не гасила её намеренно — просто не подходила.

Около полуночи она услышала голос.

Не снаружи. Не изнутри. Из зеркала — так ей показалось, хотя она понимала, что это абсурд, что зеркала не разговаривают, что она, должно быть, задремала.

Голос произнёс три слова — тихо, очень близко, почти в ухо:

— Нашла. Молодец.

Марина открыла глаза.

Свеча погасла.

В темноте, пока она на шаривала телефон, она почувствовала: в доме что-то изменилось. Не в комнате — в доме. Как будто кто-то выдохнул воздух, который держал в себе много лет, и дом стал чуть легче, чуть тише, чуть живее.

Телефон нашёлся. Фонарик включился.

На столе рядом со свечой лежал лист бумаги, которого не было раньше. На нём — снова тот же почерк, наклонённый влево, торопливый:

«Первое — найдено. Береги зеркало: оно показывает не то, что есть, а то, что было. Это важнее, чем ты думаешь.»

«Вторая вещь — там, где земля слушает.»

«И ещё: ты не одна в доме. Не бойся её. Она пришла раньше тебя и уйдёт позже. Просто не смотри в её сторону первой.»

Марина долго смотрела на записку.

Потом аккуратно сложила её, убрала в рюкзак рядом с зеркалом, легла на сундук и закрыла глаза.

Архивисты не верят в знаки. Но они умеют ждать — иногда годами — пока документ не скажет им то, что хочет сказать.

Она подождёт утра.

За окном шумел дождь. Где-то в доме тихо скрипнула половица — не третья, другая. Та, которую Марина не знала.

Глава третья. Где земля слушает

Утро пришло серое, без объявления.

Марина проснулась раньше света — от тишины. В городе тишина всегда неполная, в ней есть гул, есть далёкие машины, есть чьи-то шаги за стеной. Здесь тишина была другой: плотной, как войлок, как будто звук снаружи существовал, но останавливался у порога и не входил.

Она лежала не двигаясь и прислушивалась.

Ничего.

Потом — почти неощутимо, самым краем слуха — она поняла, что тишина не абсолютная. В ней что-то было. Не звук. Скорее — ожидание звука, пауза перед словом, которое вот-вот будет сказано.

Марина встала.

При дневном свете, просочившемся в щели ставен, дом выглядел иначе. Меньше таинственным, больше — заброшенным. Паутина в углах. Пыль на подоконниках, нетронутая, как первый снег. Пол кое-где прогнил, и надо было смотреть под ноги.

Записка всё ещё лежала на столе. Марина перечитала её при свете.

«Там, где земля слушает.»

Она думала об этом всю ночь — урывками, между беспокойным полусном. В доме не было подвала, она проверила. Погреб? Возможно. Но погреб — это всё-таки не «земля слушает», это просто земля. Здесь было что-то другое.

Она вышла на крыльцо.

Дождь кончился. Октябрьский воздух был острым, почти болезненным после спёртости дома. Небо — низкое, белёсое, без единого просвета. Деревня молчала: ни дыма из труб, ни собак, ни голосов. Только лес за огородом — тёмный, неподвижный, терпеливый.

Марина обошла дом по периметру.

Огород давно одичал: остатки грядок угадывались под жёстким бурьяном, покосившийся забор отпустил несколько досок в самостоятельное плавание. В дальнем углу огорода стояла баня — низкая, вросшая в землю по самые окна, с дверью, которая скорее всего не открывалась лет тридцать.

Марина остановилась.

Земля у бани была другой.

Не визуально — на вид такая же, как везде: мокрая трава, прелые листья. Но когда она подошла ближе и встала на этот пяточок, что-то изменилось. Не под ногами — внутри. Как будто она наступила на место, где звук не уходит вверх, а уходит вниз. Где пространство направлено в другую сторону.

«Где земля слушает.»

Она наклонилась и раздвинула траву руками.

Под слоем листьев обнаружилось кольцо — ржавое, вбитое в деревянный щит, почти сросшийся с землёй. Марина потянула. Щит поддался с влажным, чавкающим звуком, как будто земля неохотно разжимала пальцы.

Под щитом был схрон.

Небольшой — с хлебную корзину. Выложен изнутри обрезками старого войлока. И в нём, завернутое в промасленную холстину, лежало что-то длиной с предплечье.

Марина развернула.

Шкатулка. Деревянная, без украшений, без замка. Просто плотно пригнанная крышка и дерево, отполированное до атласного блеска многолетним прикосновением рук.

Она открыла.

Внутри лежала коса.

Не коса-инструмент, не женская. Детская — тёмно-русая, почти каштановая, перевязанная выцветшей красной лентой. Длинная, тяжёлая, живая на ощупь, как будто срезанная только что.

Марина держала её и не могла понять, что чувствует. Ничего страшного в косе не было. Коса — это просто коса, срезанные волосы, детская память о чём-то. Но что-то в ней — в весе, в цвете, в том, как лента завязана узлом, — сжимало горло.

— Это твоя, — сказал кто-то за её спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.